

пах. Для средневекового сознания немислимо представить, чтобы из бесцветных, лишенных запаха и плоти частиц складывалось нечто вещественное, да еще красное и пахучее вроде киновари. Ведь и по *Лукрецию*, *сумма неощутимых неощутима*. Эта апория не только оставалась неразрешимой, но даже и не рассматривалась в алхимии. Да и проверка чувственных ощущений для физика-оптика и алхимика осуществлялась по-разному. Если алхимик вполне доверял глазу, воспринимающему цвет, то этот же алхимик на другой день, вычерчивая ход отражающихся и преломленных световых лучей, уже не верил глазам своим: глаза на этот раз обращены ведь на небо, а стало быть, к богу.

Обратившись к творчеству *Бэкона*, нетрудно представить себе и такое: с одной стороны, *учение о перспективе*, пронизанное «геометрическим атомизмом», с другой — алхимические трактаты³¹. Не потому ли должно было пройти три столетия от изобретения всех технических частей телескопа до самого телескопа?³²

Атомизм был принципиально чужд алхимии. Здесь следует иметь в виду и антиатомистические (неоплатонические) основания, сформулированные при закладке александрийской алхимии. «... *Каждая вещь*, — учит *Плотин* (III в.), — *состоит из материи и идеи. Это подтверждает также индукция, показывающая, что уничтожающаяся вещь сложна; то же доказывает и анализ. Например, если чаша распадается на [слитки] золота, а золото превращается в воду, то и вода требует соответствующего превращения. Необходимо, чтобы элементы были идеей или первой материей или состояли из материи и идеи. Но идеей они не в состоянии быть, ибо как могли бы они без материи иметь объем и величину? Но не в состоянии они быть и первой материей, ибо они подвержены уничтожению. Стало быть, они состоят из материи и идеи, а именно они идея по качеству и форме, материя же по субстрату, который неопределен, поскольку он не имя*» (АМФ, 1, с. 543). И как следствие этого: «... *атомы не могут иметь значения материи, так как они вообще не существуют, невозможно создать из атомов другое естество, помимо атомов... никакой демиург ничего не создает из материи, лишенной непрерывности*» (с. 544). Демиург-алхимик нуждался в сплошном материале, в *Едином*, которое, по *Плотину*, есть «*потенция всех вещей*» (с. 551). Или: «*Материя должна быть не сложной, а простой и по своей природе чем-то единым, ибо таким именно образом она лишена всего*» (с. 545). Путь к этому — экстатический путь: «... *будет чудом постичь его (Единое.— В. Р.) вне бытия. Обращая на него свой взор, наталкиваясь на него в его проявлениях, умиротворяйся и старайся больше понять его, постигая его непо-*

³¹ Речь идет здесь лишь о демокритовском атомизме, действительно чуждом алхимии. Кроме того, признание неизменности атомов «*простых тел*» исключает возможность трансмутации. Но если говорить о восприятии средневековыми алхимиками «химического» индивида, в котором автономизированы свойства, мы должны согласиться с тем, что такой «атомизм» (скорее — элементаризм) близок к монадологическому (сравните с *монадами Бруно*).

³² Эту ситуацию остроумно комментирует Васко Ронки (Ronchi, 1952, с. 33—58).